

Рина Беж

Я тебе верю
СДЕЛКА

современный любовный роман

Рина Беж

Сделка. Я тебе верю

<https://litres.ru/74206909>

Аннотация

– Тебя можно поздравить с будущим материнством? – нечитаемый взгляд темно-синих глаз медленно соскальзывает на мой плоский живот, а затем вновь возвращает внимание лицу. Губы сами собой дергаются в легкой усмешке. – Меня – нет. Можешь поздравить с этим знаменательным событием моего мужа и его любовницу, – веду подбородком в сторону голубков, стоящих в компании моего свекра. – Разве Ольга не суррогатная мать? Иван прищуривается, а мне хочется рассмеяться в голос. Громко, от души. Но я себе этого не позволяю, слишком крепкие прутья у клетки, в которой меня держат. Один неверный шаг в сторону – моментально последуют санкции. Так рисковать я не готова...

✓# ОДНОТОМНИК ✓# ХЭ для тех, кто заслужил

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	59
Глава 7	66
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Пролог

– Тебя можно поздравить с будущим материнством? – нечитаемый взгляд темно-синих глаз медленно соскальзывает на мой плоский живот, а затем вновь возвращает внимание лицу.
 Губы сами собой дергаются в легкой усмешке.
 – Меня – нет. Можешь поздравить с этим знаменательным событием моего мужа и его любовницу, – веду подбородком в сторону голубков, стоящих в компании моего свекра.
 – Разве Ольга не суррогатная мать?
 Иван прищуривается, а мне хочется рассмеяться в голос. Громко, от души. Но я себе этого не позволяю, слишком крепкие прутья у клетки, в которой меня держат. Один неверный шаг в сторону – моментально последуют санкции.
 Так рисковать я не готова...

ДАРЬЯ

За три года до начала событий...

– Даша, у вас с Яриком точно всё в порядке? – интересуется мама, оборачиваясь с переднего пассажирского сидения.

Когда отец за рулем, она всегда сидит с ним рядом. Они вообще идеальная пара, умеющая пусть не любить друг дру-

га до гробовой доски, но отлично понимать и ладить, как и положено тем, кто женился не по любви, а ради объединения капиталов.

Так же и меня пару лет назад выдали замуж... ради капиталов. Хотя, если быть до конца откровенной, не совсем так же.

Мной сыграли, как глупой доверчивой куклой, но это уже не имеет значения. Ничего не имеет значения, потому что развод с моим мужем всё равно не предусмотрен. Даже если всё плохо, очень плохо, бизнес превыше всего.

– Да, в порядке, – озвучиваю то, что хочет услышать отец, и что успокоит маму.

Все равно она никоим образом не сможет повлиять на ситуацию. Тихая, спокойная, привыкшая во всем подчиняться мужу, она не ввяжется в конфликт. А я...

Начни я сейчас жаловаться и проситься да хоть в монастырь принять постриг, ничего не изменится. Лишь мама расстроится зазря, а папа и пальцем не пошевелит... потому что капиталы, раз, и я сама виновата, два.

Не вру.

Такое в моем прошлом уже было, просила, рыдала, умоляла отца оградить от Ярослава, копнуть поглубже, задуматься, подарить мне свободу, но результатов не принесло. Воз и ныне там. Точнее, я как получила навязанную подлостью фамилию Шаталова, так с ней и живу, и буду жить до конца своих дней...

Хочу – не хочу, никого не волнует.

Нет, есть еще один вариант освободиться – если Ярик или его папочка вдруг решат, что я им больше не подхожу. Но пока, к сожалению, моя кандидатура их вполне устраивает. И лучших нет.

– Тогда почему он отказался лететь с тобой в Испанию? – не унимается мама, наивно полагая, что мне без Шаталова скучно. – Вчетвером нам было бы веселее.

«Да нам и втроем замечательно! Неужели не замечаешь?»

Проглатываю готовую сорваться с губ фразу и произношу иное, опять же, чтобы поскорее сменить тему.

– Он не отказался, не волнуйся, – отвечаю, стараясь звучать ровно, без ехидства. – У них с его отцом возникли какие-то срочные дела. Обещал решить всё в течение нескольких дней и обязательно прилететь.

Прилететь, м-да... он действительно обещал так сделать. Разве ж можно оставлять молодую супругу без надзора? Нет, конечно. Даже если с родителями. И смех, и грех.

Я же лелею мечту, что у Ярослава там всё затянется как минимум на три недели, что мы будем здесь отдыхать. А если и не затянется, то из-за непогоды или другого какого-нибудь ЧП закроют все аэропорты и перестанут сажать самолеты.

Должна же я пусть иногда отдыхать от персоны, которую никогда не приму и не люблю, что бы он не делал.

– Прекрасно! – радуется мама, напоминая беззаботного ребенка, которому пообещали скорый подарок.

Я же никак не реагирую. Лишь на секунду пересекаюсь с внимательным взглядом отца в зеркале заднего вида, а потом резко отворачиваюсь к стеклу, транслируя желание любоваться грозовым небом.

На улице уже стемнело, и мы возвращаемся с прогулки по пустынному влажному серпантину в отель.

Едем, но не доезжаем. Потому что на очередном витке со встречной полосы на нашу вылетает бензоцистерна.

Я даже испугаться не успеваю. Вообще ничего не успеваю. Все происходит как в замедленной съемке, которую нельзя поставить на «стоп» или изменить.

Я просто беспомощно смотрю, как огромная машина смещается к центру трассы, постепенно покидая свою полосу движения и, слепя фарами, стремительно сокращает между нами расстояние.

Сто метров.

Пятьдесят.

Пара десятков.

«Лобовое... это конец...», – малоэмоционально проносится в голове.

Последнее, что помню, отец выкручивает руль. Нашу машину заносит боком. Водительской стороной под большегруз.

Я, пусть пристегнутая, по инерции подаюсь в центр машины, но уже через секунду марионеткой лечу в обратную сторону и ударяюсь головой о металлическую стойку двери.

Ремень безопасности врезается в грудь, словно стремится переломать мне все ребра. Дыхание рвется. Висок прошивает ослепляющей болью. В глазах меркнет, и я почти не слышу оглушающего грохота, звона, скрежета, криков и стонов.

Полная дезориентация.

Кажется, на краткое время я теряю сознание, а когда в очередной раз разлепляю ресницы, осознаю, что мир уже не вращается, а застывает. Происходящее не сразу доходит до мозга, но стоит ему отпечататься в сознании, как ощущаю дикий ужас ситуации.

Мы попали в аварию.

Боже... в аварию... мы...

Медленно моргая, как могу, отталкиваю нарастающий страх и стараюсь оценить собственное состояние. Руки и ноги, к счастью, двигаются, но голова подводит. В районе правого виска пульсирует боль, зрение плывет, меня потащивает, а в ушах стоит какой-то странный высокий гул с металлическим оттенком.

Морщусь, поворачиваю шеей, желая избавиться от неприятных ощущений, но выходит лишь хуже. Висок моментально прошивает резкой болью.

Поднимаю руку, касаюсь предполагаемой раны, и пальцы тут же натываются на что-то влажное. При ближайшем рассмотрении опознаю кровь. Тупо смотрю на бурые разводы

по ладони и дергаюсь, уловив сквозь непрекращающийся гул тихий стон.

– Я сейчас! – хриплю, отвлекаясь от собственных бед, и закашливаюсь, сделав слишком глубокий вдох.

Обоняние раздражает резкий химический запах, причиной которого признаю раскрывшуюся вдоль водительской стороны подушку безопасности, а еще примешиваемый к нему запах дыма...

Трясущимися пальцами жму на крепление ремня безопасности и шумно выдыхаю, когда с третьей попытки его удастся отщелкнуть. Страшась того, какая картина ждет меня впереди, отталкиваюсь от дивана и подаюсь вперед.

Первое, что замечаю, лобовое стекло, будто бумага, сжевано, покрыто мелкой паутинкой трещин и завалено внутрь салона. На торпеде, обитой кожей, всё в осколках. Водительская сторона деформирована и вдавлена так сильно, что я никак не могу понять, где там могло остаться место для отца.

Отец...

Подушка безопасности должна была его защитить.

Должна была. Но он... он...

От вида крови и неестественно повернутой головы горло перехватывает удушающий спазм... но провалиться в шоковое осознание не успеваю. Отвлекает тихий стон со стороны переднего пассажирского сидения.

– Мама!

Можно ли испытывать в такой момент облегчение? Чув-

ствую себя дрянью, но, да. Испытываю.

Мамочка жива.

Наплевав на ноющие ребра протискиваюсь между сидениями еще больше, ощупываю ее тело, аккуратно голову, заглядываю в сморщенное от боли лицо. По всему похоже, что она тоже ударилась головой. Наверное, сильнее меня, раз никак не приходит в себя.

Но жива... жива!

– Мама, я помогу, – хриплю, возвращаясь обратно на свое сидение.

Меня пугает нарастающий в салоне запах гари. Неужели тлеет проводка? Это же плохо? Да? Ведь рядом... рядом бензовоз...

Дергаю за ручку двери, но она не поддается. Еще раз. Снова без толку. И еще раз. Опять впустую.

– Господи! Да что за...

– Да-ша...

Счастье, она пришла в себя.

Вновь ныряю вперед, стараясь не замечать крови, стекающей по бледной щеке. Надо сначала выбраться, потом остальное.

Дурное предчувствие, что время поджигает и идет на минуты, никак не желает отпускать.

– Мамочка, я сейчас свою дверь открою, потом твою. И мы выберемся, – касаюсь губами ее виска и вновь с усердием принимаюсь за дело.

Никак. Что-то мешает. По-видимому, деформация кузова.

Не придумав ничего лучше, ложусь спиной на сидение, рукой тянусь и дергаю рычаг открытия, и параллельно распрямляю согнутые в коленях ноги – бью по двери.

Раз. Другой.

А третий поддается со щелчком.

От того, что хоть что-то получилось, на глаза набегают слезы. Боже, спасибо!

– Я уже. Мама, я уже. Сейчас мы и тебя вытащим, – касаюсь плеча единственного родного человека, оставшегося в живых, и всхлипываю, когда она накрывает мою холодную руку своей почти ледяной.

– Даша, уходи, огонь сейчас вспыхнет.

Знаю, но...

– Нет. Без тебя никуда.

Отщелкиваю уже ее ремень безопасности и выскакиваю из машины.

Или мне кажется, что я выскакиваю. Голова вновь кружится. Не то от порывов слишком свежего ветра после едкого, сконцентрированного в салоне воздуха, не то все же от полученного сотрясения.

Не обращаю внимания. Нужно вытащить маму.

Скорее. Из-под остатков жутко деформированного капота валит дым. Не очень густой, но жутко едкий.

Господи, мне же всего пять минут надо. Только пять ми-

нуточек.

Всевышний, пожалуйста!

Сердце колотит как сумасшедшее. Дергаю ручку передней пассажирской двери. Не поддается. Снова дергаю. Стучу по стеклу, встречаясь взглядом с мамой.

– Дави со своей стороны, – умоляю ее, смаргивая слезы.

– Не получается, Даша... уходи...

У самой тоже в глазах слезы. И кровь на лице и по плечу.

– Ни за что! – психую.

Рву дверь на себя сильнее. Бесполезно.

– Мама, давай через лобовое. Ты сможешь, – выбираю другой способ.

– Доченька, ноги зажаты, – читаю по губам и мотаю головой, не желая этого слышать.

Нет, ну нельзя же так! Я не согласна!

– Тогда мы еще раз, – уговариваю нас обоих не сдаваться.

Сможем. Я знаю, мы сильные. Мы справимся.

Вновь рву дверь на себя. Мама помогает руками со своей стороны.

И в тот момент, когда грудa металла поддается... я обнимаю маму и помогаю аккуратно высвободить ноги и сдвинуться на шаг... два... капот охватывает синем пламенем.

Огонь голодным зверем взлетает ввысь, раскидывает искры и с рыком устремляется ко второй машине. Облизывает ее, довольно урчит... цепляется за подтекающий из пробитой цистерны бензин... распробует его... оскаливается...

– Бежим, – несу чушь, потому что мама еле переставляет нетвердые ноги, да и я сама не особо мобильна, как надеюсь...

Бабах!

Нас сносит ударной волной...

Глава 1

ДАРЬЯ

Настоящее время...

Огонь разрастается сильнее. Медленно подбирается к ногам, облизывает подошвы босоножек, жжёт пальцы...

Он жадный, ненасытный, злобный, требующий жертв. Ещё и ещё...

Мне страшно. Очень страшно, мамочка!

Всхлипываю и сгибаю ноги в коленях, стараясь убраться от нестерпимого жара подальше. Упираюсь пятками в асфальт, перебираю руками, пытаюсь отползти. Надо срочно увеличить расстояние с полыхающим ужасом, иначе он меня поглотит и уничтожит. Но стопы, вымазанные кровью, проскальзывают и не помогают.

Плюхаюсь на задницу, не справившись с задачей.

А он, мой главный кошмар, легко сокращает между нами дистанцию и подбирается ещё ближе.

– Нет... нет...

Мотаю головой, не желая сдаваться. Я должна. Должна еще раз попробовать, но, как не борюсь, остаюсь на месте, будто приклеенная.

Огонь фыркает, насмехается. Разбрызгивает искры в стороны, скалится, словно хищный зверь, и подкрадывается-

ся вплотную, подкидывая и опуская языки пламени.

Всё ближе... и ближе... и ближе...

– Сдайся... подчинись... сгори... – урчит он, окружая.

Минута, две, и ловушка схлопнется, взяв меня в кольцо.

– НЕТ! Ни за что!

Отказываюсь участвовать в играх по его правилам и рывком спешу отстраниться. Неистово дергаю руками и ногами...

Подкидываюсь и резко сажусь, дико озираясь по сторонам.

Пусто. Господи, пусто. Огня нет. Кошмара нет. Все в порядке. Со мной всё в порядке. Я в безопасности. На кровати в собственной спальне. Жива, здорова и невредима.

А всё привидевшееся – не более чем очередной кошмар.

Кошмар, Даша. Успокаивайся.

Провожу ладонями по лицу, растираю щеки, вместе со слезами смаргиваю ужас прошлого и протяжно выдыхаю. Медленно втягиваю новый глоток воздуха и, выпятив губы трубочкой, еще раз выдыхаю.

С каждым разом получается все легче и спокойнее. Вот и замечательно. Не дело это – соревноваться с загнанной лошады. Надо приходить в себя. И сердце надо успокаивать, а то несется галопом, неугомонное, будто грудную клетку пробить торопится.

– Это сон. Просто дурной сон. Огня нет, – проговариваю вслух свой страх и, смахнув с лица растрепавшиеся во сне

волосы, настраиваюсь на позитивную волну. – А у меня все хорошо.

Сгибаю ноги в коленях, обхватываю их руками и устремляю взгляд в окно, где уже во всю светит солнце.

Конец лета. Надо не грустить, а радоваться оставшимся погожим денькам, наслаждаться солнцем, теплым ветром и яркой зеленью. А то расклеилась, понимаешь ли, будто кисейная барышня.

Нет. Это совсем не дело. Подумаешь, конверт с приглашением от Шаталовых получила. В первый раз что ли? Нет, конечно. Сколько этих конвертов за два года у меня было? Десятка два точно, а может и больше.

Хочу – не хочу, а я – член семьи. Тоже Шаталова. Вот и получаю приглашения.

И на мероприятия их снобские хожу. Всегда хожу, иначе нельзя. С родственничками мужа и им самим юлить нельзя. С ними вообще ничего лишнего нельзя. Следят за каждым шагом, контролируют, держат руку на пульсе и душат, душат, душат.

Захочешь – не отмахнешься.

Кривлю губы в едкой усмешке.

Кто б знал, как я устала. От брака-ширмы устала. От давления и угроз устала. От вранья постоянного. От них самих, всех Шаталовых до единого.

Как мне всё осточертело, боже. Послать бы их дружной гурьбой в бездну, бросить здесь всё без сожалений, сбежать

на край света... и вдохнуть, наконец, свежего воздуха, не испоганенного шантажом и ложью.

Нельзя.

Мне ничего нельзя.

Чувствую себя бабочкой, надежно пришпиленной иглой. Понимаю, что всё, свободы уже никогда не будет, скоро совсем засохну и сдамся, но в душе бьюсь, бьюсь и наивно мечтаю вырваться из ловушки на волю.

– Глупости всё. Мне с ними не совладать, – приземляю себя резко и поспешно выбираюсь из кровати.

Какой смысл сидеть и себя жалеть? Лучше кофе сварю. Вот уж что-что, он точно отлично умеет поднимать настроение. А приём по случаю юбилея Льва Семеновича – ничего, переживу.

Только ненавистному свекру долгих лет жизни желать не буду. Не умею настолько лицемерить. Пусть словесными кружевами на радость папаше и публике муженек занимается. Он это любит. Пиз...бол из него вообще великолепный.

С меня же будет достаточно подобрать себе соответствующую статусу дорогую упаковку, а дальше весь вечер помалкивать и улыбаться. В общем, играть хорошо заученную роль той самой бабочки, призванной украшать коллекцию.

– Даша, я во дворе. Сейчас поднимусь, – произносит Ярослав без четверти семь, как только я принимаю вызов.

Ни «здрaсти», ни «привет», сразу к делу.

Ну да, зачем впустую тратить время на ту, которую уже получил? То ли дело свежая кровь... вот там, наверное, изгаляется.

Нет, я не ревную и не злюсь. Давно ровно. Да и лень тратить на Ярика эмоции, пусть даже отрицательные. Хотя, если бы он, как нормальный мужик, подписал бумаги на развод и насовсем ушел к своей небракованной, расщедрилась бы и на искреннюю улыбку, и на «большое спасибо», высказанное от души.

Но нет, не всю кровь из меня высосали, раз не отпускают.

– Нет. Не надо ко мне подниматься, – отказываюсь, как и он, отменяя нормы приличия. – Сама спущусь через три минуты, – ставлю в известность и сбрасываю вызов.

Но вместо того чтобы сразу подсказывать на ноги и спешить, не двигаюсь. Еще некоторое время сижу за столом и невидящим взглядом смотрю в окно, настраиваюсь на встречу с не самыми приятными людьми.

Пальцы по привычке вертят по часовой стрелке прохладный корпус телефона и время от времени опускают его на белоснежную поверхность столешницы, создавая негромкий стук.

Тук... тук... тук...

Как ни странно, он успокаивает. Сердце бьется ровно. В голове штиль.

«Вот и замечательно. Два часа «представления», и буду

свободна», – даю себе мысленную установку, после чего поднимаюсь с места и иду к выходу.

Нет смысла оттягивать неизбежное, надо собираться и ехать на прием.

В прихожей останавливаюсь перед ростовым зеркалом. Осматриваю себя беспристрастным взглядом и остаюсь довольна.

Выгляжу достойно.

На мне алое платье с кружевным верхом и длинной юбкой в пол. Прическу и макияж я сделала сама. Все идеально, за исключением того, что мне немного жмут новые туфли. Но, зная, сколько они стоят, я готова терпеть дискомфорт.

В мыслях мелькает образ мужа. Усмехаюсь, он мне тоже «жмет» и доставляет дискомфорт. И пусть Шаталов очень богат, в отличие от туфель терпеть мне его не хочется. С удовольствием бы приплатила сама, лишь бы кто избавил. Впрочем, раскидываться деньгами мне особо неоткуда, собственные капиталы принадлежат мне лишь номинально.

Наношу капельку духов на шею и запястья, как последний штрих, и бросаю в зеркало короткий взгляд. Готова. Вдыхаю, беру сумочку и спускаюсь вниз.

Шаталов ждёт возле машины и выглядит, как всегда, на все сто. На нем черный костюм, темно-синяя рубашка с золотыми запонками и часы на кожаном ремешке. Он разговаривает по телефону, отвернувшись в сторону.

Но, будто чувствуя мой взгляд, а скорее, просто услышав

звуковой сигнал открытия подъездной двери, медленно оборачивается. Продолжая говорить, осматривает меня с ног до головы, приподнимает брови. После чего, не прощаясь, сбрасывает звонок и прячет телефон в карман. Молча идёт на меня и встаёт в полушаге.

– Привет, Даша. Прекрасно выглядишь.

Серый взгляд упирается в мой, прожигает, словно пытается проникнуть в голову и понять, что в ней в данную минуту творится... но натывается на полный штиль.

– Здравствуй, Ярослав. Благодарю.

Едва заметно киваю.

Внутри ничего не замирает, кровь не кипит, и сердце не сбивается с ритма. Даже когда Шаталов окончательно сокращает расстояние, подается вперед и целует меня в щеку, стою ровно и не задерживаю дыхание.

Порой думаю, что пять лет брака совершенно меня заморозили, превратив в Снегурочку.

До Снежной Королевы, к сожалению, я так и не доросла. Покладистый характер и отсутствие амбиций сыграли в этом не последнюю роль. Но то, что изнутри заледенела, факт.

– М-м-м... новая туалетная вода? – мужчина, словно задавшись целью меня расшевелить, не отступает, а наклоняется еще ниже, носом касается моей шеи и шумно втягивает запах кожи. – Цитрус? Тебе идет.

Вообще-то, фрезия, личи и розовый перец, как заявлено производителем. Но не поправляю и в спор не вдаюсь. Не

суть.

Дожидаюсь, когда он выпрямится и вновь заглянет в глаза, поднимая левую руку, на которой по давно заведенной привычке ношу любимые часы на золотом браслете, подаренные родителями еще на восемнадцатилетие, напоминая:

– Твой отец не любит, когда гости опаздывают. Думаю, стоит поспешить.

– Гости? Мы – семья, Даша, – хмыкает с предвкушением, после чего ехидно уточняет. – Тебе так не терпится встретиться с любимыми родственниками?

В серых глазах на мгновение вспыхивает ледяной холод, являя совершенно другого Шаталова. Но через секунду он моргает и вновь выглядит невозмутимым.

«Век бы вас всех не видеть», – огрызаюсь мысленно.

В слух же использую более мягкую версию:

– Раньше сядем – раньше выйдем.

Муж целую минуту молчит, лишь сверлит тяжелым взглядом. Затем отходит к машине, распахивает переднюю пассажирскую дверь и протягивает мне руку, предлагая помощь.

Не отказываюсь. Опираюсь и благополучно ныряю в салон.

Ругаться по мелочи – ни к чему. Пора играть навязанную роль счастливой супруги.

Тем более, и Ярослав спешит об этом напомнить:

– Не забывай быть милой и естественной, Даша. На юбилей будет присутствовать несколько крупных потенциальных

партнеров отца. Они важны для развития компании и должны видеть и чувствовать, что Шаталовы – крепкая семья.

– Я всё сделаю, – отвечаю негромко.

Хотя муж и так об этом знает. Других вариантов у меня все равно нет.

Глава 2

ДАРЬЯ

В выходной день пробки в центре города отсутствуют, и к гранд-отелю мы подъезжаем вовремя.

Ярослав выходит сам, мне помогает лакей. Он распахивает дверь, подает руку в белоснежной перчатке, улыбается.

– Добрый вечер.

– Добрый, – отвечаю негромко, опираюсь и поспешно вылезая.

Знаю, еще секунда промедления, и муж, обогнув машину, будет рядом. Сунется помогать, а я не хочу лишних соприкосновений.

За рукав пиджака еще подержусь. Но за руку... контакт кожа к коже именно с ним – не особо приятен. Поэтому, к тому моменту, когда Ярослав приближается, я уже нахожусь на улице.

Будто считывая мои мысли, муж чуть сощуривается, но молчит. Отворачивается, отдает ключи персоналу, чтобы те отогнали автомобиль на парковку, и вновь уделяет мне внимание.

– Готова?

Подставляет локоть для опоры.

– Конечно, – растягиваю на губах полагающуюся случаю улыбку и цепляюсь за темную ткань пиджака. Всё, чтобы по-

радовать случайных наблюдателей, от чьих взглядов уже покалывает затылок.

– Тогда вперед, – Шаталов дожидается, когда нам распахнут дверь, только после этого делает первый шаг.

Я за ним.

О существовании гранд-отеля я знала и раньше. Импозантное архитектурное строение, выросшее на берегу реки лет десять назад, сразу стало изюминкой нашего города. Но прежде в этом месте никогда не бывала. С родителями не довелось, а Шаталовы обычно отдавали предпочтение загородному клубу «Дымов-холл».

Сегодня их вкус изменился.

– Один из будущих партнеров отца, в котором мы заинтересованы, остановился в этой гостинице, – поясняет Ярослав, словно считывает мои мысли. – Мы решили, что глупо кататься туда-обратно. К тому же обслуживание здесь вполне на уровне.

– Про уровень обслуживания тебе виднее... – бросаю вскользь и незаметно осматриваюсь, стараясь составить собственное мнение.

Просторный холл, высоченные потолки. Мрамор, позолота, живые цветы. Всё дорого– богато, но без перебора. Изыскано и стильно.

В банкетном зале не хуже.

Много света за счет огромных французских окон. Шелк на стенах, хрустальные люстры под потолком. Белоснежные

колонны разбивают огромное помещение на зоны. В одной из них расторопный бармен за стойкой готовит цветные коктейли, в другой улыбочивые официанты предлагают помощь у фуршетных столов, в третьей играют музыканты.

– Живая музыка? – вычленяю самое интересное, кивая первым встречающимся на пути знакомым.

– Да. Всё, как мама любит, – соглашается Ярослав, как и я, успевая здороваться и пожимать протянутые руки. После чего возвращается к моей ранее оброненной фразе. – Два года прошло, а ты до сих пор не можешь забыть, как встретила меня с Ольгой, выходящими из гостиницы?

Забыть действительно не могу. Только не по той причине, о которой он всегда думал и думает. Тогда, два года назад я не расстроилась, а очень обрадовалась «сюрпризу». Ведь у меня впервые появился реальный повод настоять на отдельном проживании и перебраться в квартиру, подаренную родителями.

– Ну так ты сама была виновата, Даша, что так случилось. Я – мужчина. Мне нужен секс на постоянной основе, а не раз в неделю и по одолжению, – негромко продолжает Шаталов, не подозревая о моих истинных мыслях. – И, если ты это, наконец, осознала и готова давать мне то, что я хочу и как хочу...

Не договаривает, подвешивая предложение в воздухе. Смотрит в глаза.

Еле сдерживаюсь, чтобы не расхохотаться в голос, и качаю

головой...

– Нет-нет-нет, нынешнее положение дел меня вполне устраивает, – спешу откреститься от сомнительной радости. – К тому же ты у нас давно и плотно ангажирован.

– Для жены, – выделяет он голосом последнее слово, – время я найти могу.

Щедрый какой. Зато я для мужа – нет. Ни за что.

Но фразу снова не озвучиваю. Не с руки портить ему настроение, нам еще ближайшие часы плотно сотрудничать на благо ненасытной семейки Шаталовых.

– Что скажешь? – не унимается Ярослав, будто идея затащить в койку жену его самого сильно прельщает.

Мне везет, отвечать не приходится. Огромный зал, к счастью, заканчивается, и мы приближаемся к Льву Семеновичу и Клавдии Игоревне.

Свекор и свекровь стоят рука об руку и, растягивая искусственные улыбки (не верю, что они умеют радоваться искренне), принимают поздравления от семейной пары примерно их возраста. Тосты, смех, звон бокалов и холод во взглядах. Высокомерие и пресыщенность, спрятанные за маской добродушия, – в этом они все.

– Надеюсь, ты позаботился о подарке? – заставляю себя не кривиться при виде Шаталова-старшего. Того, кто занимает верхнюю строчку списка презираемых мною людей. – Потому что в своих статьях расходов я эти траты не учитывала.

– Если тебя не устраивает зарплата, можешь в любой день

подойти ко мне и попросить платить тебе больше.

Вновь переглядываемся с Ярославом. Он с высока, подначивая. Я, стараясь оставаться безразличной.

Подойти... попросить... ах-да, предварительно записавшись на прием у секретаря... а потом быть ему обязанной?

Ой, нет, увольте.

– Спасибо, муж, на личные нужды мне вполне хватает.

Приблизившись к родителям, Ярослав целует мать в щеку, пожимает руку отцу и выдает полагающуюся случаю какую-то высокопарную дребедень.

В смысл поздравления особо не вникаю, пусть упражняется в наигранном остроумии сколько влезет. Лишь вовремя киваю и с намертво приклеенной к губам улыбкой поддакиваю. Мол, да-да-да, я, конечно же, присоединяюсь к прочувствованным речам супруга. Как же иначе?!

Семейная пара, составлявшая компанию Шаталовым-старшим, оду «о прекрасном человеке» слушает внимательнее, чем сам юбиляр и его супруга, умиляется «хорошеньким деткам» (ну да, ну да, мне двадцать четыре, Ярославу тридцать, детки из нас еще те... великовозрастные), но, наконец, соображает, что пора и честь знать, откланивается и, прихватив у официанта новые бокалы с шампанским, отчаливает бороздить зал.

Мысленно выдыхаю. Минус лишние глаза и уши.

Теперь, когда нас остается только четверо, а остальные гости вполне себе весело развлекаются сами, кому где больше нравится, и нас не слышат, можно расслабиться. Поддерживать разговор с «родственничками» особо не нужно, лишь периодически поддакивать, да стоять мебелью для улады глаз окружающих. Последнее привычно и несложно.

Лев Семенович, пользуясь передышкой в поздравлениях, моментально переключается на единственную действительно волнующую его тему – обсуждение рабочих вопросов. Ярослав, включившись, внимательно слушает, время от времени вставляет несколько слов и постоянно кивает. Не то поддерживая, не то поддакивая. И этим всё больше напоминает мне китайского болванчика, чем солидного директора по развитию, каким его часто преподносят в репортажах местного ТВ.

– В понедельник созвонись с «Ритеком». Котлованы же готовы?

– Да. Полностью.

– Хорошо. Тогда скажи Бушуеву, что к концу недели на площадке должны быть все четыре емкости, нечего тянуть. Иначе штрафные санкции им обеспечены, – выговаривает свекор после очередного «понял» от Ярослава, и вдруг поворачивает голову и бросает на меня короткий, но вместе с тем острый взгляд.

Впрочем, ему от меня достается похожий. Почти зеркальный. В котором и остроты, и холода ничуть не меньше, а мо-

жет даже больше.

Да, умеем мы с Шаталовым-старшим разговаривать без слов. И всё это под улыбки, не отражающиеся в глазах.

В наших зеркалах души мелькает иное. Колочее и едкое. Я напоминаю бездушному дельцу, как сильно его ненавижу, и будь моя воля, наверное, могла бы... да многое могла.

Он мне, что у него всё еще есть на меня управа и, если вздумаю дурить и выкаблучиваться, в любой момент окажусь за решеткой.

Привыкшие в нужное время закрывать глаза на некоторые щекотливые моменты Ярослав и Клавдия Игоревна, естественно, и в этот раз переглядываний не замечают.

Еще бы. Папенькин наследник и идеально вышколенная супруга послушны главе семейства всегда и во всем. Им так удобно, Лёвушка доволен, а я привыкла.

Сморгнув, Шаталов-старший отводит взгляд и переключается на разговор о новом потенциальном партнере, который готов не только вкладываться в новое направление бизнеса, но и помогать специалистами, а главное, заказами, которые предварительно уже оговорены. Ярик и тут не отстаёт, воодушевленно поддакивает.

Устав от лишней информации, которая касается меня лишь боком, но больше от неподвижности и немного жмущих туфель, переступаю с ноги на ногу и отвлекаюсь на изучение деталей интерьера, а следом гостей.

И если первое мне безоговорочно нравится, то вторые...

Среди приглашенных нет простых смертных, от каждого исходит запах огромных денег. Мужчины сплошь в костюмах, а некоторые даже в смокингах. Женщины в брендах и драгоценных камнях. И если на мужских лицах сквозь редкие улыбки (праздник всё же!) проступают скука и пресыщенность, то на женских пренебрежение. Словно мы собрались не в шикарном зале отеля, а выгуливаемся посреди деревенского поля, где пасутся коровы, раскидывая лепешки.

Люди – странные существа. Вместо того, чтобы радоваться каждому дню, имея для этого неограниченные возможности, они превращаются в бездушные машины. Деньги их пресыщают и заставляют черстветь.

Краем глаза уловив сбоку движение, замечаю свекровь. Отлепившись от супруга, она подходит ко мне, останавливается в полушаге и, озаряя мир четко выверенной улыбкой, принимается лить в уши какую-то белиберду.

– Измайловы два дня назад вернулись с Кубы. Говорят, с погодой повезло, но обслуга ужасна... за такие деньги, что они выкинули, сняв самое дорогое бунгало, отвратительное невнимание... я непременно написала бы жалобу, но Эсмеральдочка не стала связываться... – на втором предложении практически перестаю слушать.

Я не знаю, кто такие эти Измайловы. Погода на Кубе мне абсолютно параллельна. Даже если там пойдет снег, переживать не стану. А вот по поводу Эсмеральдочки – тяжелый случай. Это ж сколько и чего нужно было выпить и съесть

родителям, чтобы так поднасрать ребенку?

– Ой, Софочка с Валентином идут. Наконец-то. А Олюшка-то какая сегодня красавица. Глаз не отвести, ей так к лицу беременность, – изменившаяся тональность вновь заставляет сосредоточиться на словах свекрови, а затем и глянуть в нужную ей сторону.

В нашу сторону направляется семейство Семеновых. Валентин Петрович, заместитель главного прокурора города, его жена Софочка (чье отчество за пять лет я так и не узнала, потому что из уст свекрови, как и от других, ни разу его не слышала), и их дочь Ольга. Жгучая брюнетка тридцати лет. В прошлом – одноклассница Ярослава, в настоящем – его помощница по связям с общественностью и... любовница на протяжении последних двух лет. Но тут плюс-минус. Свечку не держала, точной даты не знаю. Да и не интересовалась никогда.

Как и все Шаталовы, поворачиваюсь в сторону новоприбывших и наблюдаю за их приближением. Готовлюсь вновь держать маску беспристрастности и напрягаюсь, когда слышу негромкое.

– Это твоя вина, Даша, – припечатывает свекровь, убедившись, что мужчины на нас не смотрят. – Нужно было не кривляться, а соглашаться рожать Ярику самой.

Точно выверенный по времени укол не достигает цели, и я легко могу его проигнорировать. Как минимум дважды уже так поступала. Но в этот раз решаю не молчать.

Поворачиваюсь к женщине, внешне очень похожей с моим мужем: русые волосы, тонкие черты лица, серые выразительные глаза. Только в ее взгляде цинизм запросто мимикрирует в отстраненность, а злорадство и неприязнь выбираются наружу лишь в моменты ее полной уверенности, что за это «не прилетит».

– Вы, наверное, запомнили, Клавдия Игоревна, но у нас с вашим сыном партнерская несовместимость при зачатии, – отвечаю негромко, но при этом смотрю в глаза. – Возраст, понимаю.

Шаталовой не нравится. Она резко дергает головой, как будто удивлена, что я посмела заговорить с ней, а не молча внимаю «подзатыльникам», и поджигает покрашенные розовой помадой губы.

– Ты даже не пыталась, – новое обвинение вновь не достигает цели.

Улыбаюсь шире.

– А чем, по-вашему, Ярослав со мной занимался два года после свадьбы? – приподнимаю бровь. – Думаете, мы с ним по ночам в шахматы играли?

Щеки, дважды пережившие подтяжку, покрываются красными пятнами, несмотря на густой слой тоналки.

– Не дерзи мне, Даша.

Ну да, что тут еще можно ответить, когда сунулась учить, но получила по носу.

– Конечно, Клавдия Игоревна. Как пожелаете, – послушно

произношу то, чего от меня ожидают.

Но не потому, что испугалась еще одной гиены в семейке Шаталовых, я к ним привыкла. А потому что, повернувшись в сторону входа, утонула в темном взгляде того, кого никогда уже не чаяла увидеть.

Глава 3

ДАРЬЯ

– Лев Семенович, позволь-ка тебя обнять и поздравить, дорогой мой человек, – зычный голос Семенова заглушает музыку и привлекает к себе не только наше внимание, но и других гостей, в это время обитающих поблизости.

Сияя белоснежными винирами, мужчина наигранно широко разводит руки в стороны, вразвалочку приближается к Шаталову-старшему и стискивает того в захвате, демонстрируя всем и каждому теплейшие отношения. Похлопывает по спине и что-то произносит на ухо, отчего оба громко смеются, затем отстраняется и теперь уже пожимает ладонь, как положено.

– Долгих лет жизни и успешного процветания твоему бизнесу, – на высокой ноте заканчивает короткую поздравительную речь.

Успешного процветания бизнесу...

Про себя повторяю последнюю часть фразы и беззвучно хмыкаю. На счет этого совершенно не сомневаюсь. Исполнится. Иначе и быть не может, учитывая методы, которыми не гнушается свекор, бессовестно оттяпывая чужое состояние у законных владельцев и засовывая в собственный бездонный карман.

Так же, как не сомневаюсь, что Семенов в курсе грязных

делишек друга. Многих, если не всех. Знает... знает продажная шкура, имеет с этого свой процент и надежно покрывает. Проще говоря, крышует.

Не зря ж их связывают такие теплые и доверительные отношения. Не зря ж Валентин Петрович живет на широкую ногу не по доходу, обеспечив недвижимостью и жену, и тещу, и дочь, и даже еще не рожденного внука или внучку, а Лев Семенович не боится быть тварью. Не зря ж меня от обоих воротит.

Пока остальное семейство Семеновых здороваается и лобызается с семейством Шаталовых, уделяя наигранное внимание и мне, – пусть минимум, но всё же, ведь иначе нельзя – гости смотрят, – отвлекаясь на подходящего к нашей группе официанта. Первой тянусь к подносу и забираю бокал игристого.

Не дожидаясь тостов или другой сиропной ереси, от которой сведет скулы или заноят зубы, делаю несколько глотков шипучки и довольно выдыхаю.

Вот так уже легче. Пузырьки пощипывают язык, внутри разливается долгожданное тепло, а в теле, наконец, появляется раскованность, которой сильно не доставало.

«Лучше?» – задаю самой себе вопрос, и сама же отвечаю: «Лучше! Мне ж тут еще полтора часа выстаиваться, а нервы не железные».

– Даша, ты ведь не собираешься напиваться? – до боли знакомый голос портит всю малину.

Обжигая ухо теплым дыханием, Ярослав, как черт из табакерки, возникает совсем рядом, забирает свой фужер у разносчика и, по-хозяйски разместив свою конечность у меня на талии, прижимает к себе поближе.

По телу прокатывается холодная поземка отвращения. Стараясь не напрягаться и не отшатываться, остаюсь на месте. А на подкорке, не замолкая, нестерпимо зудит желание стряхнуть с себя липкое инородное тело и отойти подальше.

– Конечно, нет, дорогой. Вокруг одни хищники и твари. Разве ж я могу так рисковать? – отвечаю, растягивая губы в нежной улыбке.

С языка так и рвется оправдательная речь, что я ни разу в жизни не напивалась, но силой воли ее проглатываю.

Если он о такой важной детали забыл – что ж, переживу, в очередной раз прояснив для себя его истинное ко мне отношение. Если помнит, но все равно вздумал контролировать – тоже нестрашно. Чем бы дитя не тешилось.

– Значит, хищники и твари... м-м-м... какие интересные умозаключения, – растягивая гласные шепчет на ухо Ярослав.

Со стороны кажется, будто мы мило воркуем. Как раз то, что и должно казаться окружающим. Ради этого меня здесь выгуливают.

А то, что некоторых происходящее слегка, а может сильно, нервирует, как ту же Олюшку, поджимающую ярко-алые пухлые губки, так даже весело.

Пусть чуть-чуть побесится. Лишний жирок сбросит.

Мне ее не жаль. Нисколечко. Она – не глупая малолетка, попавшая в переplet по наивности, взрослая дама. Старше меня. Когда раздвигала ноги, знала перед кем. О последствиях незащищенного секса знала тем более. Так что ж теперь пыhtеть и стараться испепелить законную супругу в моем лице взглядом?

Глупо и нелепо.

Да и не подействует.

Не разведусь. Но не по той причине, о которой, наверное, она думает. Это изверги-Шаталовы меня не отпускают. Не наоборот.

Я им нужна. Пока что... а дальше... дальше только бог поможет.

– Да... вот такие умозаключения, Ярослав, – киваю мужу, перестав наконец доводить его любовницу прямым взглядом и пустой улыбкой. – Только ты ошибаешься. Они не интересные, а печальные. Мне искренне жаль, что первых здесь считанные единицы, в основной же массе присутствуют вторые.

Выдав свою правду, приподнимаю бокал, будто предлагаю отличный тост, и сама же выпиваю.

– Твари? – уточняет Шаталов, сводя брови к переносице, хотя явно понял ответ с первого раза.

Не зря ж в глубине промелькнуло высокомерие и легкое пренебрежение, пусть он и постарался моментально его спрятать.

— Именно так, одни твари, — киваю и всовываю в его свободную руку пустой фужер. — Ты ж не будешь возражать, если я пойду прогуляюсь в дамскую комнату? Хочу носик попудрить.

Не дожидаясь ответа, звонко чмокаю воздух возле гладковыбритой щеки, подмигиваю и удаляюсь.

Игристое, конечно, хорошо, но свежий воздух, где поблизости нет этих гадов, мне нужен больше.

Быстро справившись с программой-минимум, споласкиваю руки под холодной проточной водой, проверяю перед зеркалом внешний вид и наличие помады на губах и, удовлетворившись увиденным, покидаю уборную.

В зале во всю идет чествование юбиляра прибывающими гостями, но присоединяться к Шаталовым не спешу. Сами отлично справляются. Тем более, Семеновы продолжают околачиваться рядом. Куда уж мне к ним мешаться?

Не ныряя в центр веселья, чтобы не привлекать внимание, перемещаюсь по краю зала и, добравшись до ранее облюбованных настежь распахнутых французских дверей, ведущих на широкий балкон-террасу, выхожу на свежий воздух.

Вечерняя прохлада заставляет довольно выдохнуть, а понимание, что кроме меня на балконе никого больше нет, еще и улыбнуться.

Красота! Вот бы тут всё оставшееся время провести. Я б даже без званого ужина обошлась, не расстроилась.

Желая подольше оставаться незаметной, смещаюсь в сторону от полосы света, падающей из зала, и облокачиваюсь на широкие мраморные перила.

На улице уже смеркается. Периметр частной территории гранд-отеля освещается подсветкой в виде больших пузатых шаров, насаженных на копья кованного забора. Но это нисколько не отвлекает от прекрасного вида на реку. Даже наоборот подчеркивает красоту газона из клевера, плавно спускающегося к воде, а там завершающегося широкими мраморными ступенями и небольшим пирсом.

– Хорош, красавчик. Я бы его... м-м-мм...

Томный женский голосок отвлекает от любования бликами, скользящими по темной воде, и помимо воли заставляет прислушаться.

Разворачиваюсь и осматриваю двух дамочек лет тридцати или чуть более. Они стоят у входа на балкон. На границе света и тьмы, лицом к залу, поэтому меня, прикрытую тенью теплого вечера, не замечают.

– Ты про того блондинчика рядом с Шаталовыми? – приподнимая бокал с шампанским, вторая задает направление, куда стоит смотреть.

– Аха. Горячий мужик, согласишься?

– Ну да, ничего так.

– Ничего? – фыркает первая возмущенно. – Шутишь, по-

друга? Да он – ходячий секс просто. Я на него только гляжу, а у меня уже мурашки по всему телу табуном несутся.

– Кать, ты вообще-то замужем, – с улыбкой старается ее приземлить вторая. – И я, кстати, тоже, если забыла.

– Ой, Юль, ну и что такого? – тут же, хитро щурясь, маневрирует первая. – Я ж его не в койку тащу, а просто эстетически наслаждаюсь редким экземпляром.

– Еще скажи: нагуливаешь аппетит, чтобы потом прийти домой и досыта «наесться» тем, что есть в наличии.

– А вот и скажу. Мой-то домашний экземпляр в отличие от этого мачо давно в ширпотреб превратился. Твой львенок, кстати, тоже. Не обессудь.

– Да я и не спору.

Девушки переглядываются и задорно смеются, а затем отходят, чтобы с кем-то поздороваться.

Пользуюсь моментом и покидаю балкон. А заодно бросаю взгляд в ту сторону, куда так долго пялились гости Шаталовых, и почти не удивляюсь, понимая о ком шла речь.

Иван Тихомиров. Высокий, подкаченный. Блондин с темно-синими глазами и такой острой линией челюсти, что об нее, кажется, можно порезаться.

У меня в груди тоскливо ноет. Это перманентная боль, с которой я живу последние пять лет и, наверное, буду продолжать жить дальше. Не зря ж говорят, первая любовь не забывается. А у однолюбов еще и не проходит. Никогда.

Глава 4

ДАРЬЯ

Везет, как утопленнику – это точно про меня.

Направляясь в сторону супруга, который уже во всю вертит головой, явно меня выискивая, – неужто Олюшка наскучила? Или просто переживает, что какую-нибудь дичь выкину? – забираю в сторону, чтобы не пересечься с Тихомировым и компанией мужчин в темных деловых костюмах, его сопровождающих. Однако не учитываю одного важного момента: если Иван что-то задумывает, то непременно доводит это дело до конца.

– Здравствуй, Даша.

Застываю словно парализованная, ощущая, как по спине бежит холодок, а тело покрывается мурашками.

Еще не оборачиваясь, я уже точно знаю, кто находится за спиной. Низкая тональность и глубина – этот голос невозможно забыть, невозможно спутать ни с каким иным. Даже не общаясь с человеком туеву кучу лет, узнаю его моментально.

Как и запах, тут же заполняющий пространство и забивающий собой мои легкие. Специи и сандал. Всё неизменно.

Никогда не любила восточные ароматы, предпочитая более свежие цитрусовые нотки, но этот... с первого дня нашего знакомства с Тихомировым он вскружил мне голову. И до

сих пор, оказывается, кружит, что очень пугает.

Тело, будто закодированное, действует самостоятельно, поворачиваюсь и вот уже пару секунд спустя стою прямо перед Иваном. Лицом к лицу.

Краем сознания отмечаю, что он изменился, но не сильно, хотя столько лет прошло. Он всегда был выше Ярослава, более статный, широкоплечий, с сильным телом. Теперь же к этому добавилась жесткость и властность.

Иван, словно существо другого мира, и притягивает к себе внимание с первой секунды. Скуластое гладковыбритое лицо, смуглая кожа, будто выжженные солнцем соломенные волосы. Красив, харизматичен, силен. Его истинно мужская энергетика и манера двигаться выдает в нем матерого хищника и, скорее, отталкивает, чем привлекает. Слишком пугающая аура, слишком гипнотическая и порабащаящая волю.

Мужчина открыто смотрит мне глаза и явно ждет ответа.

Читаю во взгляде обычную доброжелательность, узнавание, сдержанный интерес, всё то, как если бы спустя годы встретились старые знакомцы, и им есть, о чем поболтать.

Молчать дальше слишком странно. Да и вокруг столько взглядов, которые буравчиками въедаются под кожу...

– Здравствуй, Иван, – растягиваю на губах подобающую случаю улыбку и протягиваю ему руку.

Моя ладонь тонет в его большой смуглой. На какой-то миг чудится в его взгляде горячая искра, но тут же все исчезает, как не бывало. А он уже непринужденно склоняется к моему

уху, будто вокруг слишком шумно, и с ходу выдает:

– Очень рад тебя видеть.

Неужели?

– Взаимно.

Ответ отыгрываю на автомате.

И словно это понимая, мужчина вновь ловит мой взгляд, а уголок его губ едва заметно дергается в кривоватой усмешке. Циничной усмешке, которую я слишком хорошо помню.

Внезапно хочется оказаться отсюда подальше. Исчезнуть, раствориться, забыть нечаянную встречу, как неверный сон, который будоражит, но вместе с тем причиняет боль, вновь и вновь раскалывая на части давно разбитое сердце.

Стараюсь отвернуться и краем глаза цепляю Ярослава.

Муж, увидев меня рядом с Тихомировым, резко напрягается и подается вперед, совсем как хищник перед броском. И только холеная ручка Оленьки, мертвой хваткой вцепившаяся в рукав пиджака, заставляет его оставаться на месте.

– Как поживаешь, Даша? Как семейная жизнь? Счастлива?

С каждым новым вопросом Ивана сердце все больше ускоряется. Перед глазами мелькает всё, что между нами когда-то было, и какую роль в моей жизни он сыграл. И, наверное, увидь я сейчас в его глазах циничное превосходство, наплевала бы на то, что тут полно народу, на свои обязательства, ошейник и поводок, развернулась и ушла.

Пожалуй, так оно и было бы.

Но в темной синеве сквозит лишь обычное любопытство. Во всяком случае, так оно ощущается. Будто прошло время, мы стали старше, всё забылось, переболело, и теперь он просто рад меня видеть, как и сказал.

– Благодарю, всё хорошо, – пустая улыбка вновь замирает на моих губах.

Да, Иван прав, что бы ни случилось в прошлом, сейчас мне не за что его винить. Да и тогда, пять лет назад, тоже было не за что.

Пусть он был старше, умнее, опытнее, а я всего лишь сикухой на пороге девятнадцатилетия, сплеховала именно я. Я и только я. Потому что не сумела разглядеть вероломство и цинизм, спрятанные под маской дружелюбия.

Не испытывая потребности и дальше рвать душу, размыкаю губы, чтобы пожелать хорошего вечера и распрощаться, но Тихомиров задает новый вопрос:

– Тебя можно поздравить с будущим материнством?

Нечитаемый взгляд темно-синих глаз медленно соскальзывает на мой плоский живот, а затем вновь возвращает внимание лицу.

И вот тут меня срывает. Внутри разливается горечь, а губы сами собой дергаются в едкой усмешке.

– Меня – нет. Не стоит. Но можешь поздравить с этим знаменательным событием моего мужа и его любовницу.

Веду подбородком в сторону голубков, стоящих в компании моего свекра и не только. Оба семейства сегодня – про-

сто не разлей вода.

– Разве Ольга не суррогатная мать?

Иван прищуривается, а мне хочется рассмеяться в голос. Громко, от души. Но я себе этого не позволяю, слишком крепкие прутья у клетки, в которой меня держат. Один неверный шаг в сторону – моментально последуют санкции. Так рисковать я не готова...

– Суррогатная, да, точно, – соглашаюсь, проглатывая готовый сорваться с губ смешок. – Прости, что-то я запамятовала.

Вообще-то даже не знала, а сейчас впервые услышала. Но кого оно волнует?! Остальные-то в курсе.

Ох, ну свекор – молодец. Вот это вывернул ситуацию, так вывернул. Ненавижу его всей душой, но не могу не восхищаться цинизмом и хитрожопостью. Великий комбинатор ни дать ни взять. Грамотно обосновал пребывание незамужней Олюшки в ее щекотливом положении рядом с женатым сыночком, которому до папаши-дельца в плане коварства расти и расти, и ловко заткнул рты всем особо равнодушным.

Таких вокруг предостаточно, точно знаю. И причины имеются.

Еще бы. Ярослав, я и Семенова работаем в одной корпорации. Все трое постоянно находимся на виду. Так что, как ни крути, и у самого последнего от природы не любопытного

обывателя, нет-нет да мелькнет вопрос: а что за фигня между ними творится? Женат на одной, а живет вроде как с другой.

Теперь же благодаря «утке», намеренно брошенной Львом Семеновичем, история принимает совершенно иной вид. Никакого разлада между супругами нет. Молодая семья всего лишь переживает сложный период с деторождением, а Олюшка – ценнейшее сокровище, этот брак спасает, вынашивая долгожданного наследника или наследницу. И Ярик двадцать четыре на семь не блядует, а всего лишь, как заботливый мужчина, обеспечивает сурмаме комфорт и покой.

Миленько, да.

Только что-то чем больше обо всем думаю, тем сильнее напрягаюсь.

Слишком уж сложная комбинация вырисовывается. К ребенку Семеновой и собственного мужа отношения я не имею. Но мне его настырно приписывают. А ведь он – не опухоль, со временем не рассосется. Через полгода родится.

И тут закономерный вопрос: что будет дальше?

Ясно уже одно: меня не отпустят, свободы не дадут. Не зря ж плетут такие хитромудрые кружева из лжи и обмана, опутывая, как паутиной, всё крепче и крепче.

И тогда что? Что они провернут после Ольгиных родов?

Неужели действительно вручат мне чужого младенца? Заставят принять плод любви мужа и любовницы? Вынутят его воспитывать?

А когда откажусь? Снова пригрозят и додавят?

С чего им это нужно? В чем суть многоходовки?

Ладно я – тут ясно – им на меня срать с высокой колокольни. Пока есть чем шантажировать, будут это делать. Но ребенок-то в чем виноват? Это же их собственный внук, плоть от плоти, к которому я, как бы не душили, не воспылаю любовью ни с первого, ни даже со второго взгляда.

А Ольга?

Как станет действовать она – настоящая мать? Представляю её, добровольно протягивающую мне оружий сверток, и хмурюсь. Бред же получается.

Я б за кровиночку загрызла, но не отдала... Она сможет?

А ее отец – Валентин Петрович? Тоже одобряет происхождение? Его бездействие конкретно так напрягает. Что это еще за позиция невмешательства, когда по сути единственную любимую дочь, прежде нерожавшую, записывают в сурмамы и собираются лишить кровиночки?

Или все же не собираются?

Мы что ж... вчетвером жить будет?

Вопросы... вопросы... вопросы...

Чем больше раздумываю, тем сильнее волосы на голове шевелятся...

Неспроста все это, ох, неспроста.

Шаталов-старший явно вынашивает какую-то конкретную цель, которую я, к сожалению, пока не улавливаю. Не могу просчитать, но почему-то заранее предчувствую опас-

ность.

А раз так, то мне обязательно нужно ее выяснить. Выяснить и попробовать себя обезопасить.

Но это позже, а пока следует зафиналить слишком бьющую по нервам беседу.

– А ты, Иван, как поживаешь? Счастлив? – смещаю акцент разговора с себя на него. – Уже нашел свою идеальную дев..вочку?

Глава 5

ДАРЬЯ

Дев..вочку...

Да, лучше пусть будет «девочку», чем «девственницу», слово, которое использовал Тихомиров пять лет назад при нашем последнем разговоре. Разговоре на троих, где присутствовали я, он и Ярослав.

Да, даже последнего разговора тет-а-тет с любимым человеком у меня не вышло. Судьба-злодейка воспротивилась.

Грустно хмыкаю, в очередной раз вспоминая тот вечер.

Была середина осени. Я только-только поступила на первый курс университета. Кафедра иностранных языков – всё как хотела. Прошла по баллам на бюджет без всякого блата и страшно собой гордилась.

Отец недовольно пыхтел, но молчал.

Он мечтал засунуть меня на финансовый, чтобы позже приобщить к семейному делу и постепенно ввести в совет директоров. Но дал один-единственный шанс пробиться самой, куда пожелаю, и отступить, если смогу.

Я смогла. Он тоже сдержал слово.

Иван встретил меня после занятий, где я задержалась, проторчав несколько часов в библиотеке, и повез ужинать в кафе. У нас как раз был тот самый волнительный период первого официального месяца знакомства, когда и хочется, и

может, но каждый шаг страшит. Точнее, страшил он лишь меня, явно не парня на десять лет старше.

И все равно в те дни я была безумно счастлива, словами не передать. Летала на крыльях любви и видела мир исключительно в розовом свете, потом что Тихомиров обратил не меня внимание (я-то давно и безоговорочно в него втрескалась, благо поводов имелось предостаточно – родители-бизнесмены зачастую пересекались, а заодно и мы – их дети). Но в то же время я до трясучки боялась показаться ему глупой и навязчивой малолеткой.

А может, и казалась. А может, и являлась. Теперь это уже не столь важно.

Пока ужинали, в кафе приехал Ярослав. Привез Ивану какие-то бумаги. Инвестиционный проект, который нужно было срочно просчитать и проанализировать. Шаталов, будучи младше Тихомирова на четыре года, в то время только-только вливался в строительный бизнес своего отца и старался быть максимально важным и исполнительным.

Уже не помню, почему Ярослав не ушел сразу. Все трое мы не были близкими друзьями, но общие дела родителей заставляли поддерживать неплохие отношения. Шаталов подсел к нам за столик, решив на дорожку выпить чашку кофе, и завел разговор вроде как ни о чем, а после переключился на создание семьи и поиск второй половинки.

Я догадывалась, что ему нравлюсь, но никогда не давала повода даже заикнуться о своих чувствах. Зачем? Если перед

глазами и в сердце был только Ваня.

И неважно, что Шаталов-старший и Андрей Вукалов, мой отец, мечтали о слиянии и за рюмкой не чая порой шутили, что неплохо было бы породниться. Глупости, не девятнадцатый век, чтобы ломать детям судьбы и заставлять жить вместе не по воле чувств, а ради денег.

Именно тогда, в последний вечер, когда мы были вместе, и прозвучала та фраза Тихомирова:

– Моя будущая жена во всех смыслах будет только моей.

– Еще скажи девственницей, – усмехнулся Ярослав, бросив в мою сторону мимолетный взгляд.

– Именно ей, – совершенно серьезно подтвердил Иван. – Чистой, скромной, идеальной девочкой, перед которой, если потребуется, я прогну этот мир.

И вот теперь, вспоминая былое, я интересуюсь, наверное, самым для себя важным и болезненным:

– Уже нашел свою идеальную дев..вочку?

– Давно нашел, – криво усмехается уже не мой мужчина.

Добавить что-то не успевает. Рядом с ним останавливается голубоглазая шатенка лет тридцати. Высокая, стройная. Ей очень идет французская коса, в которую заплетены волосы, и темно-синее платье с завышенной талией, скрывающее небольшой животик.

Последний я замечаю, когда тонкая рука касается его в защитном жесте всех будущих мам мира.

– Вань, положи, пожалуйста, ключ от номера к себе в кар-

ман, – произносит она с извиняющейся улыбкой. – Боюсь, опять его потеряю.

*

– Давай, конечно, – с подтрунивающей интонацией откликается Тихомиров, но так тепло и искренне, что я против воли стою и, будто замороженная, наблюдаю за ним другим. Не тем, кого увидела сегодня чуть ранее, далеким и чужим, а за тем, в кого влюбилась много лет назад, открытым и располагающим к доверию.

Мужчина перехватывает у женщины пластиковый прямоугольник, ловко прячет в карман пиджака и, согнув руку в локте, подставляет ее, чтобы спутница могла опереться. Не раздумывая, та именно так и поступает.

Все действия пары выглядят настолько легкими и естественными, что не остается никаких сомнений: они явно близкие люди или очень и очень хорошо друг друга знают.

Какое утверждение вернее – ответить с ходу затрудняюсь. Даша из прошлого наивно полагает, что второе, но я настоящая, давно переставшая верить в сказки, не сомневаюсь, что первое.

– Кстати, знакомьтесь, – отвлекаясь от своей спутницы, Иван молниеносным движением поворачивает голову и переводит взгляд на меня, и, кажется, целое мгновение я не только краснею, пойманная на беззастенчивом подглядывании, но и тону, погружаясь в его пронзительный синий омут.

Тону помимо воли, потому что оторваться и моргнуть никак не получается.

А он, как назло, не помогает, затягивает сильнее, погружает на самое дно, глядя глаза в глаза.

– Кхм, и?

Спасительным кругом оказывается шатенка. Негромко, но игриво поторапливая своего спутника, она легонько держит его за рукав и заодно возвращает на бренную землю мои не вовремя поплывшие мозги.

– М-м-да, знакомьтесь, – еще раз повторяет Тихомиров, хмурия брови, после чего все же нас друг другу представляет. – Дарья Шаталова, одна из членов совета директоров концерна «Эталон-М», – указывает на меня, – Олеся Рихтер, моя помощница, – указывает он на свою спутницу.

Помощница... ну да – ну да, кто ж еще...

Киваю самой себе и, не дождавшись еще каких-то регалий женщины, интересуюсь:

– По связям с общественностью?

Кто б знал, сколько сил я прикладываю, стараясь удержать нейтральное выражение лица и не скривиться. Даже про полагающуюся данной ситуации фразу: «Приятно познакомиться!» забываю.

Точно не до нее.

Впрочем, Олеся этого будто не замечает и отвечает без запинки:

– Да, именно так.

– А с Иваном... Сергеевичем, – припоминаю отчество Тихомирова, – вы случайно не одноклассники?

Новый вопрос слетает с губ раньше, чем успеваю его обдумать. Не то, чтобы ответ на него сильно меня заботил, но дурацкие совпадения – помощницы по связям с общественностью, обе беременны, и обе рядом с мужчинами, которые когда-то имели ко мне отношение...

Бред?

Навязчивая идея?

Клиника?

Ведь не бывает в жизни настолько изощренных издевательств...

Но взгляд уже пытливо скользит по толпе и безошибочно вылавливаетдвигающегося в моем направлении Ярослава... Ярослава, а следом за ним его беременную помощницу по связям с общественностью, а заодно бывшую одноклассницу...

– Ох, ничего себе, Даша! Как вы так догадались? – не подзревая о моих терзаниях, сияет широкой улыбкой Олеся.

Я же еле сдерживаюсь, чтобы не захохотать в голос.

А еще мне безумно хочется закатить глаза и покачать головой, уточняя: «Боже, куда катится этот мир?» или: «Господи, когда ж ты перестанешь надо мной издеваться? Я и так на пределе!»

Вместо этого улыбаюсь и пожимаю плечами:

– Чисто случайное совпадение.

Объяснять что-то подробнее спутнице Тихомирова не вижу смысла. Зачем? А вот Ивану что-то объяснять даже не требуется.

Внимательно наблюдая за разговором, он в легкую перехватывает мой направленный на Семенову и Шаталова взгляд, на мгновение прищуривается, а затем выдает совершенно странное:

– Кстати, Даша. У вас с Олесей много общего. Она, как и ты, закончила школу с золотой медалью, а после самостоятельно поступила на иняз, хотя родители тоже были против. У вас даже выбор языков совпадает. Английский, немецкий и испанский.

– М-м-м... здорово, – киваю, не до конца понимая, зачем мне нужна эта информация.

– А еще она никогда не желала оставаться середнячком, рвалась к повышенной стипендии и была зубрилкой. И точно, как ты, любительницей потусить в библиотеке.

«Как я? Неужели помнишь?» – проглатываю готовый сорваться с губ вопрос и вместо него задаю совершенно иной. И не ему, а его помощнице.

– И как, Олеся? Не устали за четыре года грызть гранит науки?

– О, нет, – смеется Рихтер, поглядывая то на меня, то на Тихомирова. – Я всегда обожала учиться...

– Понятно...

– Поэтому выпустилась с красным дипломом.

– Я за вас рада.

– А вы, Даша, тоже с красным? Мы ж, заучки, как выразился Иван... Сергеевич, иначе не умеем.

Замираю на доли секунды и отрицательно мотаю головой.

– Нет, с обычным.

– В какой-то момент победила лень?

Понимаю, что вопрос не несет в себе попытки задеть или уколоть. Олеся просто поддерживает беседу, которую задал Тихомиров, но все равно становится неуютно.

– Нет. Обстоятельства не позволили. Почти год я провела в больнице, а когда выписалась... приоритеты поменялись, – выдаю ровно, а затем подвожу черту, – так что закончила с синим.

– Оу... – теряется от моей откровенности Рихтер, а Иван смотрит потрясенно, потом глухо ругается в сторону.

– Прости, я не знал, – извиняется неизвестно за что.

– Ничего, – пожимаю плечами и чуть вздрагиваю, когда талию без разрешения обхватывает тяжелая рука.

Но вот носа касается знакомый аромат, и я отмираю, узнавая наглеца.

Ярослав шел-шел и наконец дошел. Странно, что один. Зато не странно, что решил обозначить территорию. Вечно ему кажется, будто я кому-то кроме него сдалась.

«Зря, – усмехаюсь мысленно. – К Тихомирову точно ревновать не стоит. У него, как говорится, свой самовар с собой».

Дальше позубоскалить не удастся. То, что произносит супруг, напрочь сбивает с толку:

– Даша, смотрю, Иван Сергеевич уже познакомил тебя с Олесей Рихтер, супругой нашего потенциального партнера из Германии?

С кем – с кем?

Хлопаю ресницами, застывая столбом. Пытаюсь переварить новые вводные, но в итоге просто киваю, так как Ярослав ждет подтверждения.

– Э-э-э... да, конечно...

– Вот и замечательно, – довольно выдыхает муж, – значит, в понедельник вам будет легче с ней сработаться. Олеся выступит переводчиком со стороны своего супруга, а ты с нашей.

– Э-э-э, да, хорошо, – соглашаюсь, не особо вникая в слова Шаталова.

Больше меня беспокоит другое: кто все-таки такая эта Рихтер? Жена неизвестного немца, которого тут нет, или помощница известного русского, стоящего от меня в одном шаге? И кто во всей этой чертовой неразберихе сам Тихомиров?

Одно радует, находящийся в прекрасном расположении духа Ярослав ловко втягивает в беседу обоих гостей праздника, а затем сопровождает их к столу юбиляра и всячески развлекает. Я же оставшееся время просто плыву по течению, по возможности не вступая в диалоги или отделиваясь короткими ответами, и, как только становится возможным,

ссылаюсь на головную боль и уезжаю.

Глава 6

ЯРОСЛАВ

– Уверена, что сама справишься? – вместо того чтобы распахнуть дверь подъехавшего такси и помочь Даше забраться в машину, стою столбом, прикрывая ладонью ручку, чтобы жена не могла до нее дотянуться самостоятельно.

Не хочу ее отпускать.

Ни домой, ни куда бы то еще. Мне нравится, когда она рядом, даже если гордо задирает свой маленький нос, пытается куда-нибудь улизнуть и нехотя участвует в разговорах. Главное, что присутствует поблизости, чувствует меня и нашу связь.

– Не переживай, я и с головной болью сумею назвать свой домашний адрес, – устало закатывает она глаза.

– Я могу тебя проводить? – сам не знаю, чего навязываюсь.

Хотя, конечно, знаю. Проблема точно не в доставке. Это такси, как и еще несколько машин бизнес-класса, специально арендованы на этот вечер, чтобы гости, желающие покинуть банкет, могли без задержек и нервов исполнить свое желание. Таксисты тоже все проверенные люди – не шарашки-на контора.

Причина собственного загона в другом.

Взгляд, которым весь вечер прожигал мою жену Тихомиров, пока Даша, ничего не замечая, вела разговоры за сто-

лом, ничуть не изменился за прошедшие годы. По-прежнему собственнический. Будто и не было пяти лет разлуки между ними, будто она – снова его девочка.

Вот только Иван ошибается.

Дашка моя. Моя жена.

И будет моей столько, сколько я захочу.

– Шаталов, не говори ерунду. Зачем оно тебе надо? – сводит бровки домиком очаровательная блондинка с моим обручальным кольцом на безымянном пальце. – К тому же тебя там Олюшка ждет.

– Ревнуешь? – моментально цепляюсь к словам.

Кто б знал, как я этого желаю. Словами не передать. Ее ревности, ее страсти, огня в глазах, дикости, собственнических повадок, всего-всего, чтоб звенело... но там, мать его, штиль. Гребанный штиль все пять лет совместной жизни. Безразличие и пустота.

Подумаешь, вынудил ее выйти за меня замуж обманом. Другая давно бы махнула рукой, забыла, смирилась и стала строить жизнь, отталкиваясь от новых вводных. Ведь я не урод, богатый, щедрый, и для нее всегда был готов практически на все.

Нет, как же... унизил ее чувства, сломал жизнь... Бред!

Не любит она меня... да и срать бы!

Но куда там... упертая, как мул.

– Не-е-ет. С какой стати?

Вот и сейчас своим зевающим «нет» мне будто серпом по

яйцам рубит.

Рыбина холодная. В постели – ни о чем. А я все равно как идиот на ней помешанный. И ласку, и подкуп, и холод, и пренебрежение – всё применял, всё пробовал. За время брака чего только не было. Пробить на эмоции пытался, а результата не достиг.

Потому и на любовниц спустя время переключился. Задолбался себя мужиком в кровати не чувствовать и отдачи не получать.

Дашка даже не заметила временного отсутствия.

Думал, Ольга хоть ее расколдует. Перестал Семенову скрывать, специально время подгадал, чтобы жена нас выходящими из отеля застукала. И что в итоге?

– Давай разведемся...

Мать его ети, разведемся?! Могла б развестись – развелась, не думая, я уверен. Слава богу, не могла и не может. У них с отцом свои дела.

Но ведь настояла на раздельном проживании и своего добилась! А все потому, что холодная рыбина порой может заморозиться так, что жутко становится... и совесть, часто спящая, просыпается и на мозг давит.

– Пожалуйста, Ярослав, можно я уже поеду? – переступает с ноги на ногу головная боль и супруга в одном лице.

И я, наконец, сдаюсь. Вижу же, что измучилась. Никогда она не была любительницей подобных мероприятий, но и не пропускала ни разу, ответственно отыгрывая свою роль.

Вот точно. Дашка отыгрывает роль. А я ее живую и настоящую хочу... но, кажется, такой ее уже и не осталось за пять лет.

– Будь аккуратна и смс мне скинь, как доедешь, – даю наставление и тянусь, чтобы поцеловать в губы.

Отворачивает голову в последний момент, и я лишь мажу по щеке. Все привычно, но сегодня в большей степени коробит. Наверное, потому что с возвращением Тихомирова отмахнуться от правды уже не выходит. Пусть у Ивана я ее отбил, на себе женил и тело присвоил... но душу... душу завоевать так и не смог.

Целиком моей эта принципиальная до мозга костей девчонка так и не стала.

– Головой отвечаешь, – предупреждаю водителя, захлопнув за женой дверь, и даю рукой отмашку, чтобы трогал.

Сую кулаки в карманы брюк и, не спеша возвращаться в зал, провожаю удаляющиеся огни машины взглядом. Стою, когда они растворяются, влившись в поток транспорта на проспекте. И когда сильный порыв ветра взъерошивает волосы. Но приходится отмереть и развернуться, когда за спиной раздается:

– Ярик?

Отделяясь от двери навстречу шагает Ольга.

Бледная, взгляд настороженный.

Мысленно ругаюсь про себя.

– Лев Семенович спрашивал, где ты, – начинает она. – И

папа хотел сказать тост...

Ну да, конечно! Верю-верю, что дело в отцах, а не в ее дурацкой ревности и стремлении контролировать меня на каждом шагу.

– Я здесь, – говорю нейтрально. – Дашу на такси сажал.

– Мм-м, – тянет, окидывая цепким взглядом окружающее пространство. – А что сама? Не справилась бы?

– Справилась. Она вообще девочка самостоятельная, – проговариваю веско, намекая на некоторых вечно беспомощных.

Достал уже этот контроль!

– Пойдем в зал, Оля, – завершаю разговор и подталкиваю Семенову вперед, сам же еще раз оглядываюсь в сторону проспекта, где уже давно нет машины, в которой уехала жена.

В этот момент я ей даже завидую. Двадцать минут, и будет дома. А мне высиживай обязательную программу. Слушай речи, пей, улыбайся. Банкет только-только подобрался к середине, а мне уже тошно и скучно.

ИВАН

– Хорошая девочка, Вань, – выдает свой вердикт Леся, пока я наблюдаю за тем, как Шаталов сажает в такси супругу.

Дашка изменилась, стала еще краше. На этом ужине затмила всех, правда, ногу натерла. Когда переступает – слегка прихрамывает. Наверное, туфли новые надела, не разно-

шенные.

А Ярик, идиот, болтает и болтает, не видит, что она уже еле стоит. Избалованным мажором был, им и остался. Только о себе мысли. Тьфу. И как Дашка в такого могла влюбиться?

– Эй, ты меня слышишь? – острый локоток подруги прилетает в бок, а я усмехаюсь, пусть и ойкаю.

Радует меня маневр Дашки и то, что поцелуй Шаталова вместо губ приходится ей в щеку. А еще меня радует то, что она уезжает одна, а не с этим козлом, который совершенно не скрывает своей кобелиной натуры.

– Слышу, – заверяю Олесю и тут же переспрашиваю, провозжая взглядом удаляющуюся машину. – Даша – хорошая девочка? Ты с ней всего ничего общалась, а уже оценить успела?

– А чего тянуть? – фыркает бывшая одноклассница. – Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Или ты сомневалась, что я – лапочка?

Рихтер наигранно поджимает губы и хмурит брови.

– Упаси меня господь, – тут же открещиваюсь.

– Во-о-от. И не сомневайся дальше. А Даша, правда, хорошая, чувствую. Только очень недоверчивая и будто полуманная... изнутри.

– Почему ж тогда она меня не дождалась и всего через месяц замуж выскочила, раз хорошая?

Уточняю без претензии, просто много лет ломаю голову

над этой загадкой и никак не нахожу ответа.

– Может, тоже непредвиденные обстоятельства были... как и у тебя, когда назад в страну не мог вернуться почти полгода?

Пожимаю плечами и рассказываю о том, о чем никогда никому не говорил:

– Ее мать со мной говорила. Рассказывала, что у Даши с Яриком любовь сильная и внезапная возникла. Просила не ломать им жизнь. И за дочь извинялась, потому что та к телефону ни в какую подходить не хотела, якобы боялась, что я буду ее ругать.

– Якобы... говорила мать... Вань, ты сам-то себя слышишь? Это не слова Даши, – четко подмечает Олеся.

Киваю.

Сам об этом думал сотни раз. Сотни раз звонил в дом Вукаловых, просил позвать девушку. И даже когда та уже вышла замуж, весь месяц еще их дергал. И позже почти полгода. Безрезультатно. Связаться не вышло ни разу. А когда все же попал в страну и примчался просто поговорить, узнал, что Даша лежит в роддоме на сохранении, и любые негативные эмоции ей противопоказаны.

– Разберемся, Олеся. Теперь точно во всем разберемся, – даю обещание себе... и, наверное, Даше.

Глава 7

ДАРЬЯ

Ночь кажется резиновой, тянется и тянется.

Самое печальное, кошмары не снятся. Снятся прошлое, но не менее эмоциональное, чем воспоминания, связанные с аварией. По шкале от «мне все пофиг» до «сердце из груди сейчас выскочит» почти на максимуме.

И все из-за Ивана. И из-за его глаз, которые преследуют даже во сне и не отпускают. Смотрят пристально, заглядывают в самую душу, и все спрашивают и спрашивают: «Даша, как ты могла меня предать?»

И всю ночь вместо того чтобы отдохнуть я пытаюсь оправдаться, объяснить, что была глупой и наивной, что не могла выстоять против... да всех против: и родителей, и Ярослава, вдруг заговорившего о таком, что щеки огнем горели, и его родителей, убеждающих, что ничего страшного в принципе не произошло и замять скандал можно, если поспешить. Объясняю, как они, окружив, давили. Давили целенаправленно и выверено. Давили с умом и тонким расчетом. Так, что задыхалась, чувствуя себя никем, букашкой ущербной, запутавшейся в паутине ушлых пауков, недееспособной, слабой.

А после оправдания сменяются слезами и упреками, потому что Иван исчез. Исчез, когда был нужен, как глоток воз-

духа, и даже больше. Как написав одну-единственную смс: «Сейчас занят. Перезвоню позже», так и не выполнил обещанное, не перезвонил и ни разу не ответил на сотни других звонков, которыми его атаковала, а позже и вовсе отключил телефон.

Лишь спустя неделю тишины я узнала, что он улетел в Германию к отцу и возвращаться не намерен. Но и тогда не верила словам Шаталова, продолжала звонить любимому. Звонила, пока не услышала бездушный женский голос с фразой, прозвучавшей приговором: «Данный номер больше не обслуживается».

Беспокойный обрывочный сон выматывает настолько, что серое утро встречаю с радостью. Будто наконец отмучилась.

Выбравшись из раскуроченной за ночь постели, первым делом иду в ванную, чтобы смыть с себя навязчивый дурман и липкий пот, пропитавший одежду и покрывший кожу неприятной пленкой.

Горячая вода помогает. Под упругими струями стою долго, пока напряженные мышцы не расслабляются, а окоченевшее изнутри тело не сигнализирует, что достаточно согрелось и готово функционировать в обычном режиме.

Дальше всё привычно. Глазунья из двух яиц, пара ломтиков сыра. Прямо так, в прикуску со сладким чаем. Мытье посуды, загрузка постельного белья в барабан стиральной машины. И наконец чашечка кофе, черного, без молока и сахара, который можно смаковать, сидя на балконе, любуясь

просыпающимся городом и растягивая удовольствие.

Люблю воскресенье. Никуда не нужно спешить. Можно спокойно сидеть в квартире весь день и ни с кем не пересекаться. Можно быть самой собой, хоть грустной, хоть веселой, хоть неумытой, хоть ненакрашенной и с грязной головой.

Но сегодня голова чистая. И впервые за долгое время возникает потребность двигаться, идти и дышать свежим воздухом, наслаждаясь последними теплыми деньками и свободой, а не лежать в обнимку с книжкой на диване. Хотя чтение – моя страсть.

Тем более, и хмурое серое утро потихоньку распоживает, обещая быть сухим, солнечным и ясным.

Недолго думая, перекидываю из повседневной сумки в рюкзак кошелек, добавляю туда бутылку с водой, телефон, пауэрбанк со шнурком и упаковку салфеток. Проверяю на ноутбуке расписание электричек, делаю мысленную зарубку в памяти, что у меня в наличии сорок минут.

Быстренько скидываю домашнюю одежду. Натягиваю джинсы бойфренды, белую футболку и сверху такого же цвета толстовку на змейке с капюшоном. На ноги – удобные кроссы. И пока не передумала, захлопываю за собой дверь.

До станции дохожу пешком, вместо усталости чувствуя лишь бодрость и прилив сил. В пустой кассе меньше чем за минуту покупаю билет и, не желая мерзнуть в зале ожидания, где и летом, и зимой одинаково прохладно, иду на плат-

форму.

В полупустом вагоне занимаю место у окна, вставляю в уши любимые OnePlus, выбираю плейлист с любимыми треками и ни за что не цепляющимся взглядом рассматриваю мир за немного пыльным стеклом электрички.

Пятьдесят минут спустя в компании пары десятков по большей части дачников покидаю нутро вагона и по памяти выстраиваю маршрут, держа путь в сторону городского парка отдыха. Нахожу его, практически ни разу не сбившись, и все оставшееся до вечера время гуляю.

Кайфую от тишины и звуков природы, когда углубляюсь на малопосещаемые тропинки. Вернувшись в оживленную часть, с интересом таращусь на родителей и их отпрысков, окучивающих нескончаемые карусели и аттракционы. В одном из прудов кормлю заранее купленной булкой многочисленных уток. За белкой, прыгающей между сосен и елей, просто наблюдаю – желающих подкинуть ей орешков хватает и без меня. А позже, перекусив в одной из многочисленных уличных кафешек, занимаю лавочку у воды и принимаю солнечные ванны, заодно долго люблюсь проплывающими мимо лодками и катамаранами.

Жизнь вокруг бьет ключом, повсюду веселье, разговоры, писк детей, но это не напрягает. Впервые за долгое время я не чувствую себя инородным телом среди счастливцев. Я тоже живу, улыбаюсь, глядя на веселье остальных и с удивлением встречаю мальчонку лет пяти. Он подбегает ко мне,

хлопая темными стрелами ресниц, и очень решительно протягивает палочку со сладкой ватой.

– Это вам! Вы красивая, – заявляет с детской непосредственностью и, всунув в мои руки неожиданный презент, также быстро убегает.

Провожая его слегка растерянным взглядом и встречаюсь глазами с мужчиной, работающим в палатке с говорящим названием «Сахарная жизнь», который и готовит сладкое лакомство.

– Просто подарок, – заверяет меня тот, когда я жестом показываю, что могу расплатиться. Подмигивает, желая хорошего отдыха, а затем, будто это в порядке вещей, переключается на подошедших к нему покупателей. И больше на меня не смотрит.

Качаю головой, но продолжаю улыбаться. И, кажется, впервые за последние лет десять или пятнадцать ем сахарную вату, не задаваясь лишними вопросами – по возрасту мне это занятие или нет.

Все неважно. Главное, я отдыхаю, и мне хорошо.

Домой возвращаюсь около девяти вечера, когда на улице давно обосновались сумерки. Не глядя по сторонам, пересекаю двор. В теле легкая усталость, в голове долгожданный штиль, а на душе радость, что доверилась интуиции и поехала отдохнуть, а не провела выходной день в четырех стенах.

– Привет, Даша.

Вырастающая из темноты фигура заставляет затормозить,

не доходя до подъезда лишь пару шагов.

– Здравствуй, Ярослав.

Ответное приветствие звучит ровно, но по хорошему настроению проходит первая трещина. Ну что ему сейчас-то от меня понадобилось?

– Ты где была?

Моргаю. Это что-то новенькое. Если же брать в расчет то, что мы давно не живем вместе и можем не видеться неделями – вопрос звучит до боли странно.

– С чего вдруг интерес?

Поправляю лямку рюкзака и обнимаю себя за плечи. В присутствии мужа постоянно хочется всячески закрыться и защититься, пусть он никогда и не применял силы. Постель – не в счет, там просто не совпадали наши темпераменты. Никак. Никогда.

– С того, что я тебя больше часа здесь жду.

Ого, претензия. Вот только разве я просила?

Недоумеваю. Уточняю же суть:

– Зачем?

– Хотел пригласить на ужин.

И все тот же вопрос:

– Зачем?

Обычно он неплохо ужинал с Олюшкой, а потом и Олюшкой. Не от святого же духа она понесла.

– Ты – моя жена, – объясняет, как недалекой. – Я волновался. Вчера у тебя голова болела, и ты одна уехала домой.

И что? Хочется задать еще один вопрос и в то же время не засмеяться. Жена. Ну да. Ничего, что я два года одна живу, и до этого всё нормально было? А тут испугался? Но ярче обозначившиеся на гладко выбритых щеках желваки советуют передумать его раздражать.

– Я тебе вчера сообщение отправила, что добралась до дома, таблетку выпила, чувствую себя хорошо, – решаю закончить разговор миром и поскорее распрощаться.

Как бы не так. Допрос продолжатся.

– Почему ты на звонки не отвечала? Я пять раз набирал.

– Телефон разрядился, – пожимаю плечами.

Объяснять, что давно купила и поставила в телефон вторую симку, номер которой не знает ни один Шаталов, а ту, что знает, вырубая каждые выходные, чтобы «дорогая семья» не беспокоила, не собираюсь. Не надо ему этого слышать. Обидится же.

– И все-таки где ты была?

О боже. Вот пристал. Но легче ответить, чем стоять тут до бесконечности.

– Ездила в Сетунки.

– С кем?

Даже так?

Хлопаю ресницами, и в ответе не скрываю недоумения.

– Одна.

– Ладно, – взъерошивает правой рукой волосы и шумно выдыхает, будто мучавшая целый день изжога его наконец

отпускает. — Я хочу подняться к тебе.

— Нет, — отказ произношу четко и неосознанно вскидываю подбородок, собираясь упорствовать до конца. — Завтра рабочий день. Хочу принять душ и поскорее лечь спать.

— Я могу сварить нам обоим кофе, пока ты будешь принимать душ.

По спине пробегает легкий озноб. Дергаю плечами, желая его сбросить, и это не остается незамеченным. Ярослав вновь стискивает челюсти.

— Я не пью кофе перед сном, — игнорирую его недовольство.

— Тогда выпью только я. Тебе заварю чай.

Да что на него нашло?

— Шаталов, поезжай заваривать чай своей любовнице. Или кофе, мне без разницы, — произношу четко, чтобы мое категоричное «нет» до него побыстрее дошло. — Мне ничего не надо.

Добавку «от тебя» проглатываю. И так серые глаза сталью сверкают, будто он ее тоже почувствовал.

— Зато мне надо. Я соскучился, — протягивает руку и поглаживает щеку.

Силой воли заставляю стоять ровно и не отшатываться. Ярослав выглядит таким напряженным, что непонятно, какой фортель он выкинет в следующую минуту.

— Неужели суррогатная мать перестала справляться? — подкалываю на свой страх и риск. — А я слышала, что бере-

менные до секса сами не свои. Врут что ли?

А как иначе обосновать, почему мужика от горячей нимфоманки потянуло на холодную рыбину, как он меня в порыве гнева пару-тройку раз называл.

– Она справ... что? – сам себя обрывает Шаталов и хмурится. – В смысле суррогатная мать?

– А разве нет? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Первый раз слышу, – и ведь не врет, судя по удивлению. Даже руки опускает и перестает тянуть к моему лицу. – Где ты такое услышала?

– На юбилее нам кости перемывали, – не спешу сдавать конкретный источник информации.

А ведь странно: откуда Иван узнал подробности? Явно ж не сам придумал. Да и на то, что я Ольгу любовницей назвала – реально удивился.

Значит, как я и думала, Лев Семенович воду мутит.

– Даш, я не знал, – потемневший лицом Ярослав снова качает головой. – Но обязательно во всем разберусь.

– Уж будь любезен, – поддакиваю, заранее понимая, что если Шаталов-старший что-то задумал, то никакой сын его не остановит. Этот урод, если потребуется, по головам пойдет.

Глава 8

ДАРЬЯ

Ночь с воскресенья на понедельник проходит спокойно. Немного почтавав перед сном, убираю телефон в сторону, закрываю глаза, заставляя тело расслабиться, а голову не анализировать поступки Ярослава, примчавшегося меня ужинать, то есть, конечно, со мной ужинать... а в шесть тридцать их открываю.

Вот в общем-то и всё. Будто в черную дыру проваливалась. Ни сновидений, ни мыслей, ни вопросов, долбящих в черепную коробку по кругу. Красота.

День начинаю как обычно.

Поднимаюсь по будильнику, выполняю небольшой комплекс упражнений, помогающий держать себя в тонусе. После – короткий душ, завтрак и мой личный утренний ритуал – кофе на балконе.

В обычном распорядке ничего не меняется, и это отлично успокаивает.

Сев за руль белого пыжика, подаренного родителями на восемнадцать лет, включаю зажигание и, откинувшись на подголовник, привычно смыкаю ресницы, чтобы собраться для поездки.

Да, наверное, у меня многое, не как у всех.

Люди любят скорость, любят дорогу, любят чувствовать

рев мотора и радуются власти над железным конем. Я же постоянно и безотчетно испытываю страх.

Неимоверное напряжение.

Я паникую, что, плетясь как черепаха, буду мешать другим участникам движения с их привычной высокой скоростью, что случайно заглохну на перекрестке, что перепутаю педали, что пропущу знак или светофор, что создам аварийную ситуацию... много разных «что», которые заставляют сердце частить в сумасшедшем режиме, а ладони потеть.

И все равно каждый раз сажусь за руль, вот так через страх и неуверенность пытаюсь бороться с фобией. И авария, в которую мы попали с родителями три года назад, тут совершенно ни при чем.

К головному офису подъезжаю без пятнадцати восемь. Слава богу, без происшествий. Здравуюсь с охраной и немногочисленными сотрудниками, добравшимися до места работы заранее, как и я. Прохожу турникет, в лифте поднимаюсь на свой пятый этаж. Отпираю кабинет и осматриваю рабочий стол со стопкой договоров, оставленных с пятницы.

Все привычно, но на подкорке, не замолкая, зудит навязчивая мысль, что изменения успели вступить в силу и прежней спокойной жизни у меня уже не будет.

Однако, в ближайшие три часа ничего не происходит. Трудовой день идет своим чередом, и я расслабляюсь, погружаясь в привычную монотонность. Радуюсь отмененной планерке и разгребаю знакомую текучку.

Время потихоньку приближается к двенадцати, прикидываю, на что потрачу обеденный перерыв. Сидеть в офисе лишнее время желания не возникает. Помня отлично проведенный выходной на природе, планирую быстро перекусить кофе и бутербродом и полчаса погулять по липовой аллее.

Во всю строю планы, прикидываю маршрут и шумным выдохом всё обрываю, стоит зазвенеть телефону внутренней связи. Напротив вспыхнувшей красным индикатором кнопки значится лаконичное «Приемная генерального».

Снимаю трубку после второго «дилинь».

– Шаталова. Слушаю.

Внутри подкипает, но голос, как и рассчитываю, звучит сухо, по-деловому.

– Добрый день, Дарья Андреевна, – Коняева, бессменная секретарша Шаталова-старшего, чеканит слова в своем привычном командирском тоне.

– Добрый, – повторяю приветствие, похожее на насмешку, – в поистине добрые дни эта дама меня не беспокоит – бросаю короткий взгляд в окно.

Хочется удостовериться, что на горизонте в экстренном порядке не сгущаются тучи.

– Лев Семенович просит вас к нему подняться.

– Когда?

– Прямо сейчас.

– Хорошо. Буду.

– Ждем.

Щелчок. И трубка разражается короткими гудками.

Прикусываю нижнюю губу и качаю головой. Поражает не столько словесный пинг-понг с секретаршей, сколько ее умение заканчивать разговор.

Бессменная Лариса Игнатьевна вопросами культуры общения никогда не заморачивается. Донеся посыл великого и ужасного, но преданно ею обожаемого начальства, она не считает нужным тратить время на прощание или хоть какое-то обозначение окончания беседы.

Зачем предаваться лишним расшаркиваниям, когда нужная информация доведена до адресата?

Вот дамочка и не парится.

Изредка, как сейчас, я задаюсь вопросом: всегда ли она была такой – «по пояс деревянной», или это тесное сотрудничество с Львом Семеновичем превратило ее в чопорного робота?

Ответ остается загадкой. Тем не менее, я быстро закрываю договор, которым занималась. Сворачиваю окно на компьютере и блокирую вход, а затем, подхватив ежедневник и любимую ручку, покидаю кабинет.

– Добрый день, – переступаю порог владений секретаря.

– Одну минуту. Сейчас я о вас доложу.

Цербер в белой блузке с воротником-стойкой, застегнутой на все до единой пуговицы, в клетчатом сером сарафане на ладонь ниже колен и в туфлях на десятисантиметровой шпильке, пропускает приветствие мимо ушей, но резвой ко-

зочкой поднимается из-за своего рабочего стола и устремляется в святая-святых, предварительно дважды постучав.

Дергаю губы в намеке на ухмылку и молча киваю. Себе. Коняевой моего ответа абсолютно не требуется.

– Проходите, Дарья Андреевна. Он вас ждет.

Щедрая реплика Ларисы Игнатьевны раздается через две минуты, после чего секретарь распахивает передо мной массивную дверь.

Прохожу, не оглядываясь.

Слышу, как за спиной щелкает, закрываясь, дверная личина, и напрямик направляюсь к столу для переговоров. Отодвигаю стул, сажусь.

Только после этого скрещиваю со свекром взгляды.

Холодно-нейтральные. Равные.

Чем искренне в душе горжусь. От чего, полагаю, неустанно бесится сам Шаталов.

Любит он прогибать всех под себя. Принижать властной аурой, давить тьмой в равнодушных глазах, угнетать долгим молчанием.

А со мной не получается.

Два года вот таких вот вызовов на ковер, встреч наедине, моральных пыток, чтобы я прониклась своим жалким положением...

Только не проникаюсь. Не потому что отчаянно смелая, все намного прозаичнее. Жертва, загнанная в угол и понимающая, что терять ей уже нечего, напрочь забывает о мерах

предосторожности и тоже жестко играет ва-банк.

Вот и я трепыхаюсь. Потому и приглашения присесть от свекра не жду, располагаюсь, где мне удобно, самостоятельно.

– Здравствуй, Дарья.

– Приветствую.

Обмениваемся короткими любезностями.

– У меня к тебе два вопроса.

Ну кто бы сомневался, что звал не просто так.

– Вся внимание.

Усмехается и, качнув головой, переходит к делу. Вот и ладненько, бодаться можно бесконечно, а у меня договора горят.

– Первое, – становится серьезным. – Наш концерт привлек внимание немецких коллег. Ты об этом слышала.

Молчу. Это не вопрос, утверждение. И да, я слышала. Ярослав донес информацию четко.

Выждав минуту, свекор вновь продолжает.

– Они нацелены на долгосрочное сотрудничество. Нас привлекают их живые капиталы.

Естественно, капиталы. Лев Семенович лишь на деньги неровно дышит. Как Кашей над золотом чахнет, которого ему вечно мало.

– До сегодняшнего дня все вопросы решались на уровне телефонных переговоров, но теперь они прилетели и желают оценить наши возможности вживую, – логично, заключаю

мысленно. – Поэтому твоя задача быть всегда под рукой и максимально упрощать взаимопонимание. Вплоть до подписания договоров... – держит еще одну паузу. Продолжает. – Уверен, ты легко с этим справишься. Тем более, что успела понравиться жене Рихтера.

Последнее предложение Шаталов произносит с таким апломбом, будто лично приложил к этому руку.

Павлин!

– Я правильно понимаю, что главный потенциальный немецкий партнер – это муж Олеси Рихтер? – уточняю некоторые детали.

– Верно. Карл Рихтер принимает окончательное решение по всем пунктам, как генеральный директор «Glückauf».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.